

Костромская
обл., с. Вохма.
Кадриль
«Восьмерка»

А. Э. Чижова,
заслуженный деятель искусств
России

В дорогу за танцами

Издавна множество путешественников-собирателей бродило по русским весям. И чего только не спрашивали у сельчан. Костюмы и прялки, старинные книги и иконы, былины и сказки, и, конечно, песни. Песни начали спрашивать еще в «досюльные» времена, да и теперь чаще всего ими интересуются. К этому деревенские привыкли, и когда я однажды в дождливый октябрьский день постучала к Марии Пасынковой (свои входят без стука), она сразу, с порога:

— Что, за песнями?

— Нет, не за песнями, — отвечаю. — Я за танцами.

Хозяйке показалось, что я смеюсь, и она тут же дала мне понять, что мои шуточки ей ни к чему.

— Да всерьез, русские народные пляски собираю, записываю, а вы славились первой хороводницей в здешней округе, вот мы и явились к вам.

Маленькая, сухонькая старушка подалась вперед и стала меня пристально рассматривать. Ее белесые, выцветшие, уже плохо видящие глаза смотрели на меня с откровенным удивлением. После того как моя спутница Тамара Николаевна Калиничева подтвердила цель нашего приезда, Пасынкова с трудом поверила.

— За танцами?.. Такого не слышали. То-то бездельники городской народ, право, бездельники. Тут непогода, картошка не рыта, а они, видали, за танцами!

Марии Пасынковой, жительнице села Спасское-Лутовиново, что на Орловщине, в ту пору перевалило за восемьдесят. Ее крепкая память хранила не один десяток хороводов, плясок и танцев, бытовавших прежде у них в селе.

Показывала Мария Петровна, сидя на лавке. Ей уже трудно было ходить. Но она выразительно «танцевала» руками, плечами и всем корпусом, так величаво держала голову и вдруг, оборвав песню, дополняла, как бы расшифровывала движение метким образным словом, что впечатление о танце становилось наглядным и убедительным.

Вспоминая и рассказывая, Мария Петровна словно становилась моложе — глаза ее вдруг делались синими, светились задорным огоньком, щеки розовели, сама она будто наливалась силой, обретала стать и, казалось, плыла, плыла в хороводе лебедушкой, кружилась, помехивая платочком, кокетничала со своим суженым в «матане». И было ей снова семнадцать, и волновалась она волнениями тех лет, и рассказывала, рассказывала подробности дней минувших, будто было все это вот теперь, вчера... Помнила она события совсем раннего детства. Ей было лет десять, когда всем селом встречали Ивана Сергеевича Тургенева, приехавшего из города со своей гостьей Марией Гавриловной Савиной, величали их, водили хороводы на лугу перед усадьбой. Очень любил он крестьянские песни и танцы. Помнила, как помертвела от страха, когда кинулась на нее, девчонку, охотничья собака. Иван Сергеевич на охоту собрался, а Маня и подвернись тут. Вспомнила, как он дал золотой ее матери за порванный сарафанчик, чтобы справила новый. Как учил Тургенев их, деревенских ребятишек, грамоте и покупал им книжки.

Провожая меня, Мария Петровна легко поднялась с лавки и бодро пошла к двери, будто сбросила с плеч минимум сорок лет. Разбуженная творческая стихия, растормошенное воображение сотворили чудо преображения в этой, казалось бы, отрешенной от жизни глубокой старухе. С того дня прошло немало лет, но впечатление от встречи с Марией Пасынковой осталось неизгладимым...

А вот в селе Баричи Халтуринского района Кировской области мы встретились с доярками прямо в коровнике. Они приветливо нас приняли и внимательно выслушали. Наступила пауза. И вдруг статная, красивая молодая доярка Валентина разразилась хохотом: «О-ох! Это из-за нашей-то кадрили, в эдакую пургу ехали! О-ох! Неужто наша кадрилишница добилась!» — и снова заливалась смехом. Она слыхом не слыхала, чтобы кто-то специально интересовался деревенскими танцами. Напротив, было время, не очень

уж давнее, когда кое-кто и в центре и на местах заклеил их таким малопонятным и обидным словом «архаика», и разве лишь старшие затевали на праздниках свои старинные пляски, хороводы и кадрили, а молодежь не присоединялась, вроде как гнушалась стать рядом, и ведь не потому, что молодые не увлекали эти танцы, но боялись прослыть отставшими от современной моды. Потом и старшее поколение махнуло рукой на свои хороводы и кадрили, и в праздники можно было увидеть лишь припляску к частушкам. Пожилые сельчане, конечно, хранили все в памяти, да и только.

Не приходилось слышать, чтобы «спрашивали» танцы, и Матрене Прокофьевне Ивановой из станицы Константиновской Ростовской области. Когда мы с ней встретились, ей шел восемьдесят второй год. Я застала ее за домашними делами. Она топила печку и большим ухватом ворочала в ней чугуны. Статная,

затянули песню. И как же они были озадачены, когда я их остановила и попросила показать танцы.

Волею судеб прежде народный танец, как правило, оставался вне поля зрения этнографов и фольклористов. Его не собирали, не записывали, не изучали. Тем не менее издавна за ним упрочилась слава «говорящего танца». Я. Штелин еще двести лет назад утверждал, что во всем танцевальном искусстве Европы не сыскать такого танца, который бы мог превзойти русскую деревенскую пляску. Те, кому доводилось быть свидетелем народных гуляний, сами убеждались в справедливости подобных суждений, однако в известных описаниях этих гуляний мы находим скрупулезную фиксацию поэтических текстов, сюжетов и мелодий песен и лишь односложное упоминание: танцевали, плясали, водили хороводы. За редким исключением, вот так общо, не расшифровывая, что и как.

Белгородская обл., с. Подсерднее. Пляска «На серединке улице»

обаятельная казачка, она, видно, в молодости была сноровистой, ладной, да и теперь действовала уверенно и ловко, заставляя любоваться пластичностью и грациозностью ее движений. Матрену Прокофьевну тоже удивила цель моего приезда, а потом, когда смекнула, что мне от нее нужно, выпрямилась, подбоченилась и, лукаво подмигнув, спросила: «За танцами приехала? А расторопных капель привезла?» И показала нам, как водили у них в станице удивительный танец «крыло».

Жители села Подбужье Хворостовского района Калужской области с ходу, по привычке выстроились в полукруг и

Может, не знали способа фиксации танцев, а вероятнее всего, собирателями были в основном музыканты, танец им был чужд. Хореографы же в те времена непосредственно к народному творчеству не прибегали. Как бы там ни было, русский народный танец долгое время оставался в пределах села и мало кто знал его истинную ценность.

Немудрено, что, когда мы стали путешествовать по деревням и «спрашивать» танцы, одни удивлялись, а другие смеялись. А просьба показать пляску поначалу вызывала уйму отговорок. И возраст-де теперь не тот, и память отказала, и ноги-то плохо ходят, и давным-давно

не плясывали, все теперь позабыли... Однако изба постепенно наполнялась народом. Сначала забегали посмотреть, что за гости, узнать, откуда и зачем прибыли. Вскоре появились вновь с узелком под полой жакетки. Со смущенной улыбкой скрывались в закуток за печкой, отгороженный занавеской. Там долго колдовали над сложными нарядами. Слышны были возгласы и замечания друг другу: «Не так повязала», «Не так сложила», «Ох, уж и забыла, как надо». Выходили из закутка уже молодками или невестами, приосанившимися под тяжестью парчовых, расшитых жемчугом повязок — кокошников. Выплывали павами, шурша штофными сарафанами, спрятав руки, будто в муфты, под большие узорчатые репсовые шали. Смотрели одна на другую с ухмылкой — непривечно. А как полились песни — заблестели глаза, заалели щеки, и вроде морщины разгладились, ну, впрямь молодки.

печки (без нее никак нельзя было обойтись), она, скрюченная, сгорбленная, кряхтя и охая, еле ковыляла, опираясь на палку. Пока мы двигались всем хороводом по холмистым улицам, ряды наши заметно умножались...

Происходило все это в далеком северном селе с ласковым названием «Тамица», кстати, дорога туда (если можно ямы и бугры вязкой глины назвать дорогой) и дальше к селу Кянда идет по самому берегу студеного Белого моря.

В клубе царила атмосфера праздничная. Теснилось и набивалось множество зрителей, среди которых было много юных парней и девушек. Они, приметливые, ничего не упустили и, видимо, пытались разобраться, что привело нас из Москвы в такую даль? Что мы находим в бабьих танцах? Встречаясь с испытующим взглядом кого-либо из них, я поняла, что сам факт нашего приезда с целью записи местных танцев является

Рязанская обл.,
с. Дегтяные
Борки.
«Карагод»

Кружился веселый хоровод, сарафаны, словно сполохи северного сияния, вихрились на поворотах, переливались множеством красок и оттенков. Хоровод все уплотнялся и ширился, в доме ему становилось тесно, он выплескивался на улицу шумным гомонливым потоком, грозившим все затопить своей радостью, устремлялся к колхозному клубу. А по дороге стучали в окна изб, скликали опоздавших подруг, совсем так, как это было давно, в молодости. Вот где можно было дивиться богатству острословия, опускаемого «несручным», нерасторопным хозяйкам, еще возившимся дома. Одну старушку буквально стащили с

для них поводом присмотреться к тому, что наполняло духовную жизнь их родителей и дедов.

В клубе, посреди просторного зала гляска возобновилась. Многофигурный «шен» повторяли несколько раз. Особенно расплясались самые старенькие, их невозможно было унять. Напрасно я тревожилась за здоровье сгорбленной, как мне казалось, самой слабенькой бабушки. Я ее не узнала. Она танцевала с совершенно прямой спиной и, войдя в раж, лихо хозяйничала в кругу товаров, с такой силой разворачивала да еще подталкивала в спину, указывая направление тем, кто путал нити, нарушая кру-

жевной узор танца. А ее палку так и не нашли. Домой шла без палки и все балагурила и смеялась, что ей бы давно надо было «шен» сплясать, и палка бы не понадобилась.

Вот так с широкой душевной щедростью, с удивительным радушием, свойственным духовно богатым, одаренным натурам, пожилые крестьянки дарят свое искусство людям, в котором они не только преемники и продолжатели, но и творцы. Феофания Михайловна Петрова, жительница села Дорогорское Мезенского района Архангельской области, так откликнулась на нашу просьбу показать местные танцы: «Мы все вам расскажем и покажем, что знаем и умеем сами. Наши танцы и песни — это наш талант, они не могут иссякнуть. Пусть возьмет их молодежь, к нашему таланту прибавит свой, чтобы народное искусство с каждым поколением становилось богаче и краше на радость людям».

Поиск — это всегда находки. Истина непреложна. Продолжая свои путешествия за танцами, мы наталкивались на истинно прекрасные творения. Человек не может радоваться в одиночку — такова уж его природа. Он испытывает потребность поделиться радостью с другими. Но разве на словах передашь огромный эмоциональный заряд, полу-

ченный от восприятия чудесного танца или талантливых исполнителей? Вот и явилась мысль показать танцевальный фольклор москвичам.

Русский Север — заповедник народного творчества. Он всегда привлекал внимание фольклористов, но и нам захотелось попытаться счастья.

Правильно подметил один молодой журналист — по Северу ездить нельзя. Можно только лететь или плавать. Мы летим. Летим из Сыктывкара на север в Усть-Цильму. До Усть-Цильмы два часа.

На огромную зеленую луговину словно бросил кто-то беспримерных размеров многоцветный веночек. Он ширился и ширился, будто невидимая рука влетала в него новые и новые цветы. Веночек был живым, движущимся, он поражал изменчивостью затейливых узоров, игрой сверкающих, переливающихся красок. Зрелище, открывшееся нам издала, было ошеломляюще живописным. Это жители села Усть-Цильмы на импровизированном стадионе справляли свою традиционную «горку» — ежегодное праздничное гуляние. В хороводе ходило человек пятьсот-шестьсот! А очутившись рядом с танцующими, мы оказались свидетелями истинного чуда — чуда перевоплощения всей этой массы людей. Каждый участник хоровода, а перед нами проходили люди всех возрастов — от почтенных старцев до подростков, был захвачен неким возвышенным душевным настроем, светился внутренним озарением. Объединяла всех атмосфера торжественности, ритуальной сосредоточенности и одновременно праздничного жизнелюбия.

На улицу, казалось, вышло все село. Женщины и даже девочки были в своих нарядных ярких одеждах, точь-в-точь таких, какие носили здесь двести и более лет назад, — сарафаны из штофного шелка, из серебряной и золотой парчи рукава, цветного шелка фартуки, на шее хитросплетенные серебряные цепи, головы покрыты повязанными поверх покойников концами назад большими узорчатыми шальями, что придавало убору красивую форму кокошника-короны. Мужчины надели праздничные костюмы и светлые сорочки, и, как прежде, поверх брюк были натянуты высокие, до колен, шерстяные «писанные» чулки замысловатого радужного узора. У многих мужчин грудь покрывали ордена и медали. Вожаком и запевалой этого гигантского шествия был кавалер ордена Славы всех трех степеней Кирилл Матвеевич Чупров.

Весь порядок горочного гулянья Кирилл Матвеевич знал до тонкостей и традицию соблюдал неукоснительно.

Разворачивалась нескончаемая цепь хороводов. «Горка» набирала силу.

Костромская обл., с. Вохма. Хоровод «Озеро, озерце»

Динамичным, упругим становился ее ритм, нарастал темп и эмоциональный накал. Хороводы сменялись неизменным кружением, пляской, и, наконец, вожак заводил «большую вожжу» — узорчатый хоровод. Вот где проявлялась способность импровизации, смекалка и фантазия этого одаренного человека. Финалом гулянья была своя усть-цилимская кадрили. И невзирая на быстрый темп, живость, полетность этого танца, все исполнители сохраняли природную величавость и благородство осанки, удивительное ощущение позы, неповторимость пластического силуэта, особую хореографическую интонацию.

Расходились с гулянья за полночь. И долго еще звенели над селом то протяжные, то зазорные плясовые песни.

С тех пор как посчастливилось нам побывать на этом уникальном празднике, прошло немало лет, а впечатление от него по сей день остается неизгладимым. Тогда мы ломали голову, как же показать москвичам неповторимое искусство устьцилимцев — потомков новгородцев. Решили ограничиться сокращенным вариантом «горки», который может дать хотя бы некоторое представление об этом ярком явлении народного творчества.

Сокращенный вариант создали сами жители Усть-Цильмы во главе с Марфой Николаевной Тирановой — неизменной запевалой на «горочных» гуляньях, глубоко знающим местных художественных традиций.

Малую «горку» смотрели на сцене районного Дома культуры. Я была крайне удивлена, когда увидела большой зал, до отказа заполненный зрителями, казалось, что же им-то смотреть — каждое лето сами так гуляют, все знают, все умеют? Но местные жители настолько любят свою «горку», что не могли устоять от соблазна увидеть, в каком виде покажут ее в гостях.

Из Усть-Цильмы мы полетели в село Замезное — всего сто километров. Однако «горка» там совсем иная. Начинается она с игровых хороводов, которые дважды переходят в цепь больших узорчатых, называемых «большой вожжой», ею же и заканчивается гулянье. «Большая вожжа» — это хороводы, рисунок которых импровизирует хороводник-вожак. Таким необыкновенно искусным, талантливым хороводником оказался техник-животновод, тогда ему было тридцать лет, Чупров Кирилл Степанович. Он мастерски сплетал затейливые головоломные узоры, как в калейдоскопе, меняя причудливые формы и очертания танца. Не часто встречаются такие замечательные самородки. Но и все исполнители здесь интересны, каждый своей индивидуальностью.

Новгородцы. Есть ли что-нибудь общего в танцевальном творчестве у их потомков и истинных новгородцев?

И вот я в деревне Устье Кировское Пестовского района Новгородской области. Из районного центра Пестово в деревню добираемся на районном «автоклубе». Это северная часть области, граничащая с Вологодской. По обеим сторонам дороги по-берендеевски чуден зимний пейзаж — глаз не оторвешь. Изредка встречаются деревни. В доме Раисы Григорьевны Васильковой, заведующей местной библиотекой, увидели мы, как танцуют «трепак». Первой встала и вышла вперед мать Васильковой — Екатерина Яковлевна Смирнова. Я залюбовалась осанкой и статью этой восьмидесятилетней женщины. А за ней все пошли, вернее, поплыли в своем «трепаке». Откуда только взялась та особая, народная царственность, которую видели Пушкин и Некрасов! Вот она, думалось мне, новгородская «закваска», живущая до сих пор за тридевять земель в крови устьцилимцев.

Собравшиеся женщины и мужчины продолжали плясать «трепака». Вдруг на середину комнаты выскочил небольшого роста старичок, легкий на ногу, увертливый, и пошел выписывать кренделя, откалывать коленца, а в его веселых, задорных глазах искрился щедро дарованный ему юмор. Глаза у всех потеплели, лица осветились улыбкой.

«Трепак» плясали на Руси, по меньшей мере, лет триста назад. Он жив в этих северных русских краях и поныне. Пока я смотрела, как танцуют эти пожилые люди, у меня все время возникали в памяти танцы из репертуара самодеятельных и профессиональных коллективов. В них присутствовали те же самые движения, приемы, танцевальные комбинации, которые исполняли здесь в своем «трепаке» эти сельчане.

Вот уж воистину, по словам писателя Ефима Дороша, большого любителя и знатока русских народных обычаев, «прошлое живет в настоящем, оно необходимо настоящему и будущему»!

Весть, что приехали не только записывать местные танцы, но и выбрать лучшие для показа в Москве, неизменно вызывает у сельских жителей особую заинтересованность. Естественно, кому не хочется показать в столице свое, впитанное с молоком матери, искусство. Тогда и собираются быстрее, охотнее, и приходят не одни только старушки и старички-пенсионеры, идут в клуб после работы люди среднего возраста и молодежь, мужчины и женщины. Идут потому, что если задумали показывать в Москве, значит, танцы и песни наши стоящие. И показывают уже деловитее,

серьезнее, с достоинством и пониманием важности миссии. Фольклорные концерты в Москве оказались эффективнейшей формой популяризации народной хореографии, важнейшим стимулом в возрождении исполнительских традиций и их преемственности. Некоторые коллективы мы приглашали в Москву дважды и трижды, и всякий раз они заметно пополнялись молодежью. С какой радостью сообщила мне одна из колхозниц села Дорожево Брянской области, что на сей раз с ними приехала еще одна молоденькая девушка. У пожилых людей всегда открыта душа для наследников. Недаром в селе Карпогоры Архангельской области молодежь полюбила старинные песни и танцы. Девушки и парни танцевать и петь собираются в клубе вместе со старшими. Молодые сидят рядом с пожилыми и не просто песню учат, а учатся у них петь, перенимают манеру, мастерство. То же самое и в танце. Передается не порядок фигур — это легко и просто, а умение держаться, двигаться в танце, берется та особая пластическая интонация, которая в народе называется «выходка», в данном случае присущая только карпогорцам. Здесь не натаскивают молодежь, приобщая ее к местному творчеству, а осуществляется сложный процесс органичной преемственности, наследования подлинных ценностей. Народное творчество впитывается в плоть и кровь молодежи. Очевидно, в недалеком будущем в их искусстве будет та первозданность, которой отличается истинный фольклор.

Способность творчества должна быть у молодежи, как, к примеру, в селе Бегицево Обоянского района Курской области. Вокруг меня были люди, надевшие вынутые из сундуков одежды, невесты сколько там пролежавшие, они запели песню и начали заводить хоровод. Мы не поверили своим глазам. Мы никого не узнали, настолько разительно было перевоплощение. Походкою цариц шли Мария Григорьевна Переверзева, Елена Петровна Селихова и еще многие, а незаметная Машенька Савенкова вся светилась изнутри и буквально озаряла все вокруг своим обаянием. Мужчины, даже те, что казались неповоротливыми, вдруг обрели молодецкую ловкость и, разбросав широко руки, словно крылья, по-орлиному взлетали в прыжке или будто голуби обхаживали своих голубок. Их всех поглотила стихия творчества и вознесла. Все было достоверно и естественно — произошло открытие. Открытие неповторимого искусства, открытие значительных человеческих личностей.

Все было достоверно и естественно, когда в селе Дорожево Брянской области крестьянки играли хороводы и свою

неповторимую «кострому». Когда жители деревни Поляны Новгородской области исполняли свои танцы «Светит месяц» и кадрили «Варя» с чинными поклонами друг другу. К слову, о поклонах. Поклоны в танце приняты не только в северных областях страны. Этот обычай распространен по всей России, и, наверное, не случайно. Поклон содержит глубокий, многозначный смысл. В нем выражены природная доброжелательность, душевность русского человека, уважение, почтительность, дружелюбие к окружающим. Поклон — древнейшая традиция на Руси, отражающая высокие нравственные устои народа, и эта традиция воплощена в народном танце. Органичность, естественность, осмысленность поклона — признаки подлинности танцевального фольклора. Подделка, фальшь прежде всего проявятся в искусственности, ходульности поклона. Танцевальный фольклор — это сама достоверность и естественность. А с достоверности и естественности начинается искусство.

В русской народной хореографии немало всевозможных чуждых ей наслоений. Танцевальный фольклор подобен древним фрескам, расчищенным опытной рукой мастера. Фольклор — значит подлинность. Овладение подлинностью — суть преемства.

Сокровища русского народного танца были разбросаны и скрыты в укромных уголках глухих сел и деревень необъятной России. Мало кто ведал о них. Как знать, может быть, так и затерялись бы под слоем времени жемчужины народного творчества. Но появлялись иногда энтузиасты, такие, как Ф. Сударкин, Э. Филиппов и некоторые другие. Посчитали эти одержимые своей миссией великую ценность русской культуры — народный танец — сделать достоянием всеобщим. Труд таких людей был немалый, но их было — единицы.

Но вот организовалось Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. Еще до учредительного съезда Общества при его Центральном совете начала функционировать хореографическая секция. Это означало, что выявление, соби́рание, охрану, популяризацию и пропаганду наследия хореографического искусства, как фольклора, так и профессионального балетного театра, берет на себя вновь основанное Общество. Было это двадцать пять лет назад.

Секция начала свою деятельность с фольклора. Первоочередной целью стали «путешествия за танцами». Путь этих путешествий пролегал более чем через 26 областей России. А сколько на этом пути было районных центров, сел и деревень, трудно сосчитать. Результат — записи уникальных образцов хореогра-

фического фольклора и, конечно, фольклорные концерты в Москве во дворцах культуры крупных заводов, в концертном зале Института им. Гнесиных, на выставке древнерусского искусства в Манеже, но большее количество их прошло в Концертном зале имени Чайковского. В Ленинграде фольклорные концерты были даны на сцене Малого оперного театра и в Петродворце. Они проходили на лучших сценических площадках городов Курска, Ростова-на-Дону, Новгорода, Нижнего Новгорода и других. Всего было проведено сорок концертов. Эти фольклорные концерты послужили толчком к проведению множества фольклорных фестивалей в Москве и других городах. Выявленные секцией фольклорные группы с успехом демонстрировали свое искусство в США, Франции, Англии, Бельгии, Италии, Голландии, в Скандинавских странах. В своем роде они явились глашатаями взаимопонимания между народами, тем самым осуществляли благородную миссию миротворцев.

На материале уникального хореографического фольклора русских поморов Белого моря (в Карелии) и потомков новгородцев (переселившихся в XVI веке на север Печоры) жителей Усть-Цилимского района (в Коми) был создан художественно-документальный фильм.

Поисковую, исследовательскую работу в области наследия балетного театра, сценической хореографии секция Центрального совета ВООПИиК начала несколько позднее. Здесь надо отметить интерес к возрождению и популяризации ценнейших образцов хореографического искусства, созданных балетмейстерами XIX и XX веков, получившими мировое признание, — такими, как Ф. Тальони и М. Тальони, Ж. Перро, А. Бурнонвиль, М. Петипа, М. Фокин, А. Павлова, А. Горский, К. Голейзовский, В. Вайнонен, В. Бурмейстер и др. Тем самым заметно обогатился репертуар, обрелись единомышленники среди ведущих балетмейстеров. Работая с ними в контакте, мы организовали и провели ряд концертов с целью популяризации классического наследия балетного искусства. На сцене Большого театра, в Концертном зале имени Чайковского выступили артисты крупнейших балетных коллективов Москвы и Ленинграда. Всего состоялось десять концертов. На каждом был представлен возрожденный, новый для зрителя репертуар, содержащий и уникальные произведения.

«Путешествия за танцами» продолжается — из прошлого в день сегодняшний, в будущее. Раскрываются горизонты пластических мотивов и поражающих воображение талантов.

Архангельская обл., г. Мезень.
Танец «Восьмерка тройками»

